

Беседа 38 Вторичный суд синедриона над Иисусом

И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синедрион и сказали: Ты ли Христос? скажи нам. Он сказал им: если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня; отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией. И сказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его

(Лк. 22, 66 - 71).

Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти; и, связав Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю. Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребренники в храм, он вышел, пошел и удавился. Первосвященники, взяв сребренники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную,

потому что это цена крови. Сделав же совещаение, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та «землею крови» до сего дня. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребренников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь

(Мф. 27, 1 - 10).

Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион составили совещаение и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату

(Мк. 15, 1).

Было уже за полночь, когда происходил первый суд в синедрионе над Иисусом Христом, а кончился он тогда, как во второй раз петух приглашал Петра к раскаянию. Благодатный взор Иисуса пал на Петра именно тогда, как слуги синедриона вели Иисуса на двор, чтобы осыпать Его ругательствами. После того до рассвета оставалось не более двух часов. И вот в раннее утро Пятка синедрион опять собирается, чтобы судить Господа Иисуса. Тварь судит Творца своего! Какая печальная особенность! Но пусть дела людей не представят нам здесь ничего, кроме печального. Дела верховного Мироправителя, наперекор людям, всегда слава и величие. Выслушаем же вторичный суд синедриона над Господом.

Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион составили совещаение и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату (Мк. 15, 1).

Что за нужда была синедриону собираться во второй раз для суда над Иисусом? Синедрион уже допрашивал свидетелей и решил: *повинен смерти* (Мф. 26, 66). Для чего собрался он снова? Не для того ли, чтобы подумать, не поспешно ли, не в оскорбление ли правде согласился он с голосом Каиафы? Ах! Нет, он и теперь собрался с тем, чтобы держать совет против Иисуса — *чтобы предать Его смерти* (Мф. 27, 1). Цель оставалась прежняя — цель убийц. Собрались думать только о том, как достигнуть этой цели. Ночной, темный приговор Каиафы уже потому не казался успокой-

Вторичный суд синедриона над Иисусом

тельным для самого Каиафы, что произнесен он ночью, тогда как у иудеев запрещено было производить суд ночью даже против явных злодеев. К тому же в глухую полночь не все члены могли явиться в синедрион и по причине самой простой — потому что спали. Долго ли до того, думал Каиафа, что народ, столько раз выражавший уважение и преданность Назорейскому Учителю, поднимет ропот за ночной суд над Иисусом? Надобно, чтобы в глазах народа суд синедриона над Иисусом имел вид возможно непререкаемой важности и правды, — и еще это нужно по отношению к римскому префекту. Надобно подумать, как представить гордому префекту дело об Иисусе. Какой смерти предать Иисуса? Без сомнения, крестной, чтобы видел народ, кто этот назорейский Учитель. А это также требует зоркого внимания со стороны синедриона. Не правда ли, что каиафы очень осмотрительны, очень умны — для дел тьмы?

И как настал день. Рано утром весь синедрион был уже на ногах. К чему такая деятельность? Видите, синедрион — усердныйчитель закона. День был пятница пред Пасхою. Как же не поспешить синедриону делом и для субботнего покоя, и для пасхального праздника? *Собрались старейшины народа, первосвященники и книжники.* Представители всех трех сословий иудейства были теперь в собрании: и книжники, и старейшины народа, и первосвященники, — собрался полный синедрион. Но те члены, любовь которых к правде оскорблялась незаконным приговором Каиафы, каковы, например, Иосиф и Никодим, если только не уклонились сами от присутствия в совете нечестия, не могли изменить хода дела при сильном большинстве друзей Каиафы. Есть предание о Никодиме, что он настойчиво говорил против несправедливых отзывов Каиафы об Иисусе, но тем лишь возбудил против себя ненависть. А об Иосифе святой Лука свидетельствует, что он не принимал участия ни в совете, ни в деле иудеев (Лк. 23, 51).

И ввели Его в свой синедрион и сказали: Ты ли Христос? скажи нам (Лк. 22, 66).

Ты ли Христос? скажи нам. Так спрашивали Господа в полном собрании синедриона. А не спрашивали: Сын ли Он Божий? Отчего не касались последнего предмета? Положим, Каиафа объяснил синедриону, до чего доведено дело в прежнем собрании, пересказал, что назорейский Учитель ясно назвал себя Сыном Божиим и за то признан достойным смерти. И однако, если не узнали прежде, не следовало ли узнать теперь, почему Иисус

считает Себя Сыном Божиим? Пусть Каиафа не обратил на это внимание, но полный синедрион должен был исследовать важный пункт обвинения, когда решился подвергнуть дело Иисуса новому исследованию. Да, это было бы неизбежно, если бы собрались не с тем, *чтобы предать Его смерти*. Синедрион спрашивает Иисуса: Христос ли Он? Зная намерения синедриона, нетрудно понять цель и значение сего вопроса. С именем Христа синедрион соединял значение политического властителя мира. Каиафа, вынудив у Иисуса признание Себя Сыном Божиим, объявил это признание богохульством, беззаконием против веры. Теперь синедрион хочет стать ближе к цели — он хочет объявить Иисуса возмутителем против прав кесаря, чтобы предать Его смертной казни властью прокуратора. Вот чего хочет синедрион! Ему нет дела до того, что назорейский Учитель не раз обличал и в учениках Своих, и в народе понятие о Мессии как о властителя мира как совершенно несправедливое и преступное. Ему нет дела до того, что Иисус Христос скрывался от народа, когда тот совсем готов был провозгласить Его царем. Синедриону нужно было одно — услышать из уст Иисуса, что Он есть Христос, чтобы потом говорить пред Пилатом, что Иисус, по собственным словам Его, есть Царь Иудейский.

Он сказал им: если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня.

По ответу видно, что Господь Иисус видел и коварство, и упорную злобу синедриона, видел, для чего собрался синедрион, для чего предлагает вопрос свой. Он говорит, что при положении, в каком находятся члены синедриона, уверения Его, что Он есть истинный Мессия, — напрасны: упорные неверы останутся неверами. Если бы для убеждения их стал Он приводить доказательства самые сильные — и это, как видно и по опытам, не изменило бы хода дела: смерть Его решена в сердцах их. У иудеев, как и у греков, исследование истины производилось чрез вопросы и ответы. Так происходили дознания истины и у Спасителя с иудеями. Потому словами: *если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне*, Спаситель говорит, что всякое покушение Его оправдать Свой отзыв о Себе строгим исследованием не может достигнуть цели своей. А в доказательство того указывает синедриону на прежние опыты. За несколько дней пред тем Он спрашивал иудеев о крещении Иоанна, с неба ли оно или от людей? Они молчали (Лк. 20, 7). Он спрашивал их о камне, отвергнутом строителями, и они молчали

(Лк. 20, 17), Спрашивал их о том, почему Давид называет Мессию Господом своим? Они также молчали (Лк. 20, 44). Почему молчали они? Потому что не хотели признать за истину того, что говорил о Себе и Своем посольстве Иисус Христос, не хотели отстать от тех заблуждений, с которым сроднились сердца их, не хотели расстаться со страстями, которые укоренились в душах их. По сущности дела, Он должен был бы и теперь предложить им в Свое оправдание те же вопросы, которые предлагал Он прежде. Но если когда, то теперь особенно они не захотели бы отвечать на них: теперь они уже далеко зашли в своей ненависти против Него, произнесли уже публично кровавое решение о Нем.

Отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией, — присовокупил Спаситель для синедриона.

Итак, синедрион не имел теперь радости услышать из уст Иисуса, что Он есть Христос. Иисус объявил синедриону другое свидетельство о Себе — свидетельство грозное для синедриона. И о чем же говорить нечестивым, как не внушать страх пред величием Божиим? Иисус объявляет синедриону, что, несмотря на усилие злобы человеческой, судимый синедрионом Сын Человеческий не останется более в униженном виде, а скоро облечется славою всемогущего Правителя мира, и тогда каково будет тем, которые теперь оскорбляют Его! Это свидетельство по своей мысли есть то самое, которое объявил Спаситель синедриону в первом его собрании. Теперь Он повторяет его, дабы поняли, что это есть свидетельство убеждения твердого, непреложного, как непреложен глагол Божий.

Исказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его.

Доселе члены синедриона казались спокойными судьями, готовыми рассматривать дело с холодным вниманием. Теперь они кричали все в один голос. Это уже не дело судей, не допускающих до души волнения страстей, — это что-то похожее на иступление. Что же такое заставило их изменить себе? Что такое вывело их из себя? Что такое слышали они? — Они вышли из себя оттого, что Назорейский Учитель показал в Себе Того, Кто скоро будет участвовать в Божественном мироправлении. В их мнении, как и в мнении Каиафы, это было богохульство. Но рассмотрим ближе отзыв, которым так взволнован синедрион. Какое понятие должны

мы соединять с именем *Сын Божий*, которое присваивает Себе Спаситель? Вот уже в другой раз судьи Иисусовы обвиняют Иисуса в богохульстве за то, что называет Он Себя Сыном Божиим. И Он не говорит, что несправедливо понимают они это наименование, ни одним словом не дает знать, что Сын Божий в Его понятии есть только посланник Божий. Он, Который для того и пришел на землю, чтобы свидетельствовать об истине, скрывает ту истину, которая должна была открыть глаза врагам Его и закрыть уста их? Он, Который за истину готов умереть, подкрепляет врагов Своих в их ошибочном мнении о Нем? Возможно ли это? Он, Который столько любит верных Своих и Свою Церковь, оставляет и их в несправедливом мнении относительно лица Своего? Возможно ли это? О, нет! Этого не могло быть с Тобою, вечная Истина и Любовь безграничная! Мы верим Твоему свидетельству о Себе, как свидетельству ясному, как свидетельству точному, что Ты — истинный Сын Божий. Мы охотно повторяем слова синедриона, только в другом духе: *какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его*. Мы поклоняемся Тебе, как истинному Сыну Божию, как равному Отцу по Божеству, как Слову вечному, принявшему на Себя плоть во времени. Такую уверенность Ты, вечная Истина, подкрепляешь в нас ясными словами Твоими. Кто может участвовать в мироправлении, как не истинный Сын Божий? — А ты говоришь врагам Твоим для их вразумления, что скоро они увидят в Тебе дела и славу Мироправителя. Это не оставляет никакого сомнения в том, что, называя Себя Сыном Божиим, Ты являл в Себе лицо Божественное.

Припомним, слушатели, другой случай в жизни Спасителя, который объясняет нам мысли синедриона и Спасителя нашего. Христос Иисус сказал иудеям: *Я и Отец — одно*. Иудеи схватили камень, чтобы убить Его и говорили: не за доброе дело хотим мы убить Тебя, а за богохульство, за то, что Ты, будучи человеком, делаешь Себя равным Богу. Вот объяснение отзыву синедриона о богохульстве назорейского Учителя! Спаситель, как и пред синедрионом, не опровергал толкования, какое давали иудеи словам Его, а показал им справедливость негодования их (Ин. 10, 30 — 38). Так теперь в лице синедриона вся Иудея слышит исповедание Иисуса о Его Божественном могуществе. Синедрион не к тому вел дело об Иисусе — он хотел только унижить, покрыть позором Иисуса. А верховный Правитель мира, вопреки

усилиям синедриона, возвещает вселенной тайну Сына Божия, тайну Божества.

Чудное дело! Люди, когда только действуют не по воле Божией, действуют только против себя, в обличение своей неправды. Синедрион сказал: *сами слышали* — и тем кончил суд свой. Как же это так? Члены синедриона совсем еще не слышали, чтобы Иисус назвал Себя Христом, чего ожидали они от Него. Они отправятся теперь к Пилату и станут обвинять Иисуса именно как врага кесарю, как царя иудейского. Чем же уверился синедрион в справедливости такого мнения о назорейском Учителе? Свидетельствами? Но ни в частном, ни в полном собрании синедриона не слышим таких свидетельств. Собственным отзывам Иисуса? И того нет. В полном собрании синедриона Иисус не хотел и говорить с синедрионом, что Он есть Мессия, — Он сказал им только, что Он есть Сын Божий. Итак, синедрион осуждает без суда. Как это странно! Как это страшно!

Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную (Мф. 27,3 — 4).

Ожидал ли синедрион такого защитника Иисусу, каков предатель Иуда? — Едва ли, иначе он не пустил бы Иуду на свое знаменитое заседание. Несчастный ученик, узнав, до чего доведено синедрионом дело об Иисусе, переменял свои мысли и чувства; раскаяние самое сильное и мучительное наполнило душу его. Бичуемый совестью, он решился на поступок отважный, явился к первосвященникам, возвратил им гибельные сребренники и сказал: *согрешил я, предав кровь невинную*. Какой это сильный голос о невинности Иисуса! Какое важное свидетельство о Нем, не для одних современников Иуды! Если Иуда, друг синедриона, исповедует пред синедрионом, что он, несчастный, увлечен был только страстью к деньгам до согласия с видами и мыслями синедриона, что на деле Иисус вовсе не таков, каким выставляет Его синедрион, что и жизнь Его — образец чистоты и святости, и учение Его — невиданный свет для людей, и чудеса Его — истинные дела Божие, — не важно ли это свидетельство для христианской веры? Оно важно тем более, что Иуда столько времени провел в самом тесном общении с Иисусом и, следовательно, имел время и способы узнать Иисуса.

Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам, — отвечают старейшины. Уста говорят покойно, холодно — но покойно ли

сердце? Ах! Сердце, без сомнения, кипит злобою на защитника Иисусова. Жалкие люди! Нас это не касается, говорят. Как же так? Если Иуда согрешил, продав кровь невинную, праведны ли они, купившие эту кровь? Если Иисус невинен, чист и свят — не злодеи ли судьи, осуждающие Его как злодея? К ним — пастырям народа — является человек с сердцем, растерзанным скорбью, с душою, измученною укорами совести, — и участь его их не касается? Кто же, как не они, обязаны пролить елей утешения и целения на болящую душу. О, пастыри несчастные! Какой грозный суд призываете вы на свою голову!

И, бросив сребренники в храм, он вышел, пошел и удавился.

Всё потеряно, сказал себе несчастный предатель, добитый холдным упреком старейшин иудейских. Апостол Петр дополняет историю несчастного предателя так: *когда низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его* (Деян. 1, 18). Слова Апостола: *когда низринулся*, показывают, что несчастный предатель повесился на скале; затем веревка оборвалась, тело упало, и чрево расселось до того, что выпали все внутренности его. Это было делом суда Божия, каравшего за унижение высокого звания Апостольского. Так судил Апостол.

Первосвященники, взяв сребренники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посемя и называется земля та «землею крови» до сего дня. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребренников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь.

Члены синедриона хотели скрыть от людей свидетельство Иуды о Христе; они не приняли приношения его в храм и купили на сребренники место у горшечника для погребения странным. Но синедриону ничего не удастся. Дело скоро стало известным, как было оно: народ назвал поле горшечное не кладбищем странных, а полем крови, *акелдама* — так называли это место спустя пятьдесят дней после смерти Спасителя (Деян. 1, 19); так называли его тогда, когда писал святой Матфей, — с таким названием осталось оно и навсегда.

Мало того для стыда синедриону. Синедрион, покупая на обличительные сребренники землю у горшечника, делал не менее того, как дополнял историю Иисуса словами пророчества о Мессии,

Вторичный суд синедриона над Иисусом

то есть писал он себе позор и похвальную песнь Иисусу. Господь говорил у Пророка: *И скажу им (вождям народа): если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, — не давайте; и они ответят в уплату Мне тридцать сребренников. И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище, — высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял Я тридцать сребренников и бросил их в дом Господень для горшечника* (Зах. 11, 12 — 13). У евангелиста слова Пророка приведены не с буквальной точностью, а по памяти. Господь выставляет Себя у Пророка пастырем Израиля и, жалуясь Пророку на неблагодарность Израиля, объявляет, чтобы Израиль оценил труды Его и выдал плату по усмотрению. Плата назначена — тридцать сребренников. Господь поручает Пророку бросить ничтожную плату, улику неблагодарности, — горшечнику. Кто не видит, с какою точностью выполнилось всё это пророчество в истории Иисуса, и выполнилось чрез самых первосвященников?!

Связавше Иисуса (Мк. 15, 1), поднялось *все множество их*, и *ведоша Его к Пилату* (Лк. 23, 1).

Синедрион не останавливается ни на чем, продолжает писать себе суд. По приговору полного синедриона невинного Иисуса, делавшего одно добро иудеям, ведут в оковах к Пилату для суда уголовного. Почему же к Пилату? — Нелегко то было для гордости синедриона, а не мог он сам предать смерти Иисуса — надобно было передать Его верховному судье, префекту. В настоящем случае гордость синедриона страдала еще и оттого, что враги Иисуса не надеялись, чтобы Пилат легко согласился утвердить их кровавый приговор. Как ни велика была злость Каиафы против Учителя назорейского, синедрион чувствовал слабость обвинений своих против Иисуса. Чтобы придать силы несправедливому делу, по крайней мере внешней обстановкой его, положено было явиться к Пилату в полном составе синедриона: первосвященники, и старшины народа, и книжники отправились к игемону (Мк. 15, 1; Лк. 22, 66; 23, 1).

Слава долготерпению Твоему Господи! Аминь.

